ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Упадок американской двухпартийной системы и эволюция массового сознания в США

Д. Е. ФУРМАН

Американская двухпартийная система демократов и республиканцев пережила много кризисов и «покушений» со стороны сил, пытавшихся сломать ее и выйти на американскую политическую арену в качестве третьих или четвертых партий, доказав свою поразительную прочность и жизнеспособность. Но в последние десятилетия все более заметными становятся признаки ее упадка. И этот упадок связан не с новыми вызовами со стороны политических сил, противопоставляющих себя обоим партиям (угроза двухпартийной системы со стороны Уоллеса в 1968 г. или Андерсона в 1980 г. была неизмеримо меньше, чем, например, в 1912 г., когда рузвельтовские «прогрессисты» и социалисты собрали 33,4% голосов), а с одновременным ослаблением обеих партий как сил, определяющих политическое поведение американцев. Люди отходят от партий не к каким-то новым партиям, а просто «в никуда». Этот процесс проявляется в самых разнообразных формах.

Самая очевидная форма — это рост удельного веса лиц, не отождествляющих себя с партиями, независимых. Вот данные об этом росте[1] (II):

(II) Годы	1920	1932	1940	1948	1952	1956	1960	1968	1972	1976	1980
% независимых в электорате	9	10	14	16	22	24	24	30	35	36	34

В ряде опросов в США учитывается не просто партийная принадлежность, но и степень идентификации с партией. Опрашиваемым предлагают определить себя как «твердых» и «нетвердых» демократов и республиканцев, просто независимых и независимых, склоняющихся к демократам и склоняющихся к республиканцам. Процесс распада партийных лояльностей виден в том, что чем более «независима» категория, тем она больше растет, чем «тверже» партийная идентификация, тем меньше становится данная категория[2] (I):

(I) Год	Твердые демократы	Нетвердые демократы	Независимые демократы	Независимые	Независимые республиканцы	Нетвердые республиканцы	Твердые республиканцы
1952	22	25	10	5	7	14	13
1980	18	23	11	13	10	14	8,5

При этом, как всегда бывает в подобных ситуациях размывания идеологически-организационных лояльностей, меняется само представление о том, что такое «твердый», так что теперешний «твердый» по старым меркам совсем не

[1] См. Nie N., Verba S., Petrocik J. The Changing American Parties Voter. Cambridge, 1976, p. 83; Eldersveld S. J. Political Parties in American Society. N. Y., 1982, p. 76. Это результаты опросов, проведенных исследователями Мичиганского университета. Данные опросов, выполненных другими центрами, несколько отличны. Но тенденцию к росту удельного веса независимых показывают все. См.: Vries W. De., Tarrance Lance V. The Ticket Splitter. A New Force in American Politics. Grand Rapids, 1972, p. 24—25. На 1984 г. различные опросы показывали удельный вес независимых от 27 до 36%. См. «The American Election of 1984». Ed. by A. Ranney. Duke Un.—ty Press, 1985, p. 235.

[2] См. Eldersveld S. J. Op. cit., p. 76.

так уж «тверд». Так, в 1952 г. среди «твердых» демократов — 12%, а республиканцев — 27%, хотя бы раз в жизни голосовали за кандидата в президенты не своей партии, а в 1972 г. первых было 25%, вторых — 29% [3].

Партии перестают вызывать эмоции — положительные или отрицательные. Так лиц, позитивно оценивающих свою и негативно — чужую партию, в 1952 г. было 50%, в 1976 г.— 31%; лиц, нейтрально относящихся к обеим партиям,— 13% и 37% [4]. Партийная принадлежность кандидата становится все более безразличной для избирателей. Процент лиц, упоминающих при ответе на вопрос, почему они так голосовали, партию, кандидата, в 1960 г. был 42%, в 1980 г.— 24% [5]. Растет число избирателей, которые, как бы они ни определяли себя — как независимые, «твердые» или «нетвердые»,— голосуют за кандидата в президенты одной партии, а кандидата в губернаторы (или в члены палаты представителей или в сенаторы) — другой [6]. Вот данные об удельном весе избирательных округов, в которых большинство избирателей голосовали за кандидата в президенты одной партии, а в конгресс другой [7] (III):

(III)	1920	1924	1928	1932	1936	1940	1944	1948
Неюжные округа	3	17	12	19	20	20	16	26
Южные округа	4	1	37	1	1	1	0	7

	1952	1956	1960	1964	1968	1972	1976	1980
Неюжные округа	16	25	26	33	21	37	29	32
Южные округа	31	45	25	36	65	65	25	42

Упадок партийных лояльностей происходит не только на уровне рядовых американцев, но и на уровне партийных активистов и партийной элиты. Так, среди лидеров местных партийных организаций Детройта как мотив их деятельности «сильную привязанность» к партии указали в 1956 г. 13%, в 1980 г. 5% [8]. В конгрессе США ослабевает сплоченность партийных фракций, в общей сумме голосований «среднего конгрессмена» постепенно падает удельный вес голосований вместо с большинством своей фракции против большинства другой [9].

Неуклонный рост независимых, естественно, имеет важнейшие следствия для всего американского политического процесса, но об этом мы скажем позже. Сейчас же нам надо выяснить, кто такие независимые.

* *
*

Приведем данные об изменении партийной принадлежности в разных социальных слоях в период с 1952 по 1976 г. [10] (см. табл. IV, полоса 125).

Как мы видим, рост независимых происходит в этот период практически во всех группах, кроме необразованных северян — католиков и протестантов. Но идет он очень по-разному. Отчетливо вырисовываются два совершенно разных типа роста «независимости». Первый тип — это рост независимости, сопровождающийся ослаблением одной и усилением другой партии. Наиболее ярко этот процесс происходит среди белых южан, которые традиционно были «поголовно» демократами, но сейчас постепенно все более склоняются к республиканцам. У евреев рост независимых абсолютно не соизмерим с очень небольшим ростом числа республиканцев, но все же и здесь есть некоторая связь роста независимых с изменением партийной принадлежности. У черных некоторый рост независимых сопровождается почти полным исчезновением республиканцев. Второй тип — это рост независимости, сопровождающийся ослаблением обеих партий. В наиболее чистом виде он совершается среди образованных белых северян — протестантов и католиков.

На наш взгляд, это два совершенно разных процесса. Первый процесс связан с изменением идеологического и политического характера, с одной стороны, партий, с другой — традиционно

[3] Ibidem, p. 77.
[4] Ibidem, p. 83.
[5] Ibidem, p. 397.
[6] См. Burnham W. D. The Current Crisis in American Politics. N. Y., 1982, p. 220.
[7] Schlesinger J. The New American Political Party.— «The American Political Science Review». 1985, N 4, p. 1164.
[8] Eldersveld S. J. Op. cit., p. 177.
[9] Ibidem, p. 358—361.
[10] Flanigan W. H., Zingal N. H. Political Behaviour of the American Electorate. Boston, 1978, p. 78.

(IV)	Южане				Неюжане							
	Белые			Черные	Черные	Белые						
						Евреи	Католики			Протестанты		
	Нач. образ.	Сред. образ	Высшее образ.				Нач. образ.	Сред. образ.	Высшее образ.	Нач. образ.	Сред. образ.	Высшее образ.
Демократы												
1952	70	77	64	63	65	70	61	56	24	39	30	21
1976	51	46	34	72	73	50	63	50	25	45	25	16
Независимые												
1952	10	15	22	18	22	30	24	25	44	26	25	24
1976	27	35	37	20	26	43	16	35	50	14	41	40
Республиканцы												
1952	20	8	14	18	12	0	15	20	32	36	45	55
1976	20	18	28	4	1	7	19	15	25	37	35	42

поддерживающих их социальных групп. Так, традиционно прочные позиции демократов у белых южан связаны с тем, что республиканцы — партия Линкольна,— «ответственная» за освобождение рабов и разрушение традиционного образа жизни южных штатов. Но в послевоенный период именно демократы оказываются партией, поддерживающей борьбу черных за равенство и вообще враждебной южному консерватизму. Сила демократической партии на «белом» Юге в громадной мере — анахронизм, результат традиции и чисто организационной «укорененности». В этой ситуации переход многих белых южан в независимые — это начальный этап их перехода к республиканцам, «промежуточная станция» на пути, ведущем от одной партийной лояльности к другой. Такого рода рост «независимости», очевидно, явление временное, ведущее к партийной перегруппировке.

Совсем другое дело рост удельного веса независимых в интеллигентской среде, сопровождающийся ослаблением обеих партий. Именно рост такого рода «независимости», «независимости», так сказать, в чистом виде, причем в наиболее бурно растущем и «перспективном» социальном слое, ведет к особенно важным следствиям для американской политической системы. Между тем в статистике и опросах, естественно, эти разные варианты «независимости» не разграничиваются. Статистические независимые — очень пестрая толпа лиц, не примыкающих к партиям по очень разным причинам. Тем не менее специфически интеллигентский компонент независимых прослеживается в опросах очень отчетливо. Громадное количество опросов, проводившихся в разное время разными организациями, выявляет одну и ту же тенденцию: четкую корреляцию «независимости» с двумя важнейшими социальными характеристиками.

Во-первых, это — образование. Вот данные лишь нескольких из большого числа опросов [11] (V).

Из приведенных выше данных из книги Фленигена и Зингела видно, что связь независимости и образования прослеживается и отдельно среди южан, северных католиков и северных протестантов. Опрос 1985 г. показывает, что существует она и у черных, у которых среди лиц с неполным средним образованием независимых — 14%, а среди лиц с высшим образованием — 21% [12]. Наконец, один опрос 1980 г., учитывавший отдельно лиц, окончивших аспирантуру, показал, что среди них процент независимых еще больше, чем среди просто лиц с высшим образованием — 38% и 35% [13].

Во-вторых, это — молодежь. Лица, уже отождествившие себя с демократами или республиканцами, как правило, редко меняют свою политическую самоидентификацию. Но на протяжении уже очень длительного периода вновь входящие в электорат все чаще входят в него

[11] Данные взяты из следующих источников: a) «The Gallup Poll», v. III, 1959—1971.— «Random House», N. Y., 1972, p. 1891, 2136; b) Op. cit., p. 2136; cde) «Public Opinion», IV—V 1984, p. 28.

[12] «Public Opinion», IV—V 1984, p. 45.

[13] I b i d e m, p. 29.

(V) Процент независимых среди лиц, окончивших:	1964 г.	1968 г.	1980 г.	1982 г.	1983—1984 гг.
начальную школу	17	21	21	19	29
среднюю школу	24	28	23	28	31
колледж	26	34	35	35	33

независимыми. Вот данные опросов, обобщенные С. Элдерсфельдом (есть еще множество других опросов, подтверждающих эту же тенденцию) [14] (VI):

(VI) Возрастные группы	21—25 лет	26—30 лет	31—40 лет	41—50 лет	51—65 лет	65 лет и старше
Процент независимых в 1952 г.	25	32	23	26	19	20
» в 1980 г.	48	41	37	31	29	23

Естественно, что процент независимых особенно велик в социальной категории, в которой действуют оба этих фактора независимости,— в молодой интеллигенции. Так, в 1980 г. независимыми были 50% выпускников колледжей в возрасте до 30 лет [15].

Американские исследователи У. Де Вриез и В. Тарранс специально сравнили данные о тех, кто сам определяет себя как независимых, и тех, кто, какова бы ни была их политическая самоидентификация, голосуют как независимые [16]. Выяснилось, что у этих реальных независимых удельный вес образованной молодежи еще выше, чем у независимых по самоидентификации [17].

Таким образом, мы видим, что хотя независимые — толпа очень пестрая, но в ней заметны и со временем становятся все более заметными молодые интеллигентные лица.

* *
*

Мы выяснили в какой-то мере социальную локализацию независимых, тех настоящих независимых, для которых непартийность — не временное состояние между двумя партийными идентификациями, а состояние устойчивое, постоянное. Посмотрим теперь, что представляют собой эти независимые в политическом отношении, есть ли у них какое-то свое политическое лицо.

Американские исследования дают очень противоречивую картину политической активности независимых. Результаты очень многих исследований показывают, что независимые голосуют реже, чем демократы и республиканцы [18], и проявляют меньший интерес к избирательным кампаниям. Однако другие исследования говорят о том, что независимые уделяют слежению за политическими событиями хотя и меньше времени, чем «твердые» республиканцы и консерваторы, но больше, чем «нетвердые» [19]. По данным же Де Вриза и Тарранса, исследовавших независимых не по самоидентификации, а по политическому поведению, они практически по всем показателям политической заинтересованности и информированности (чтение о кампании в газетах, наблюдение за ней по телевизору, разговоры о кандидатах и, наконец, само голосование) оказались впереди и демократов, и республиканцев [20].

На наш взгляд, противоречивость этих данных связана с принципиальным отличием самой природы политической активности независимых от природы политической активности «твердых» республиканцев и демократов. Активность «твердых» связана с преданностью партии, их интерес к выборам в громадной мере — «боление за свою команду», «спортивный интерес». Эти интерес и активность могут сочетаться с самыми смутными представлениями о политических проблемах, и когда такие американские исследователи, как У. Д. Бернхем, противопоставляют (с чувством ностальгии) эпоху конца прошлого века современной эпохе как время активного и стабильного электората времени политической пассивности и «непредсказуемости» поведения избирателей, то при этом часто забывают, что активное и четко партийное голосование прошлого было в громадной мере традиционным и механическим и процесс усиления пассивности при голосовании и роста числа независимых сопровождается значительным усилением знаний о политике и связи голосования с позицией по конкретным политическим вопросам. У независимых нет стимулов для «механического» голосования. Они голосуют тогда, когда исход голосования связан с каким-то реально интересующим их вопросом или судьбой вызвавшего их интерес политического деятеля. Поэтому они могут голосовать реже, чем приверженцы партий, и чаще на президентских выборах, чем тогда, когда выбирают только на более низкие посты. Они значительно больше колеблются. (В 1956 г., например, в октябре, перед самыми выборами, не решили, как бу-

[14] Eldersveld S. J. Op. cit., p. 81.

[15] Ladd E. C. Where Have All the Voters Gone? N. Y., 1982, p. 73.

[16] Таких лиц больше, чем называющих себя независимыми. По данным 1968 г., их было 54% (Vries W. De., Tarrance V. Z. The Ticket Splitters.— «Grand Rapids», p. 59), по данным 1980 г.— 62%. (Ladd E. C. Op. cit., p. 78).

[17] Vries W. De., Tarrance V. Op. cit., p. 68—69.

[18] Eldersveld S. J. Op. cit., p. 81, 341.

[19] Flanigan W. H., Zingal N. H. Op. cit., p. 64—65.

[20] Vries W. De., Tarrance V. Z. Op. cit., p. 80—88.

дут голосовать только 9%, в 1980 г.— 25% и 32% независимых[21].) Но когда они все же решают голосовать, их решение более осознанное и самостоятельное.

По традиционным меркам человек, который голосует не на всех выборах и когда голосует, то голосует, предположим, за кандидата в сенат — демократа, а в президенты — республиканца и воздерживается при голосовании за кандидатов в палату представителей или в губернаторы штата,— пассивнее, чем тот, кто голосует на всех выборах и всегда — по всему списку демократов (или республиканцев). Но ясно, что первый должен затратить больше интеллектуальных и моральных усилий и обладать большими знаниями, чем второй[22].

* *
*

Опросов, по которым можно было бы выявить политические ориентации независимых, не так много. Но те, какие есть, показывают, что независимые не имеют каких-либо четких общих для них и своеобразных политических взглядов. Их отношение к большинству вопросов близко к «среднеамериканскому», и независимые занимают позиции где-то между республиканцами и демократами. Некоторые отклонения от среднеамериканской позиции, однако, у них есть.

У независимых несколько меньше, чем у населения в целом, поддержка «экономического либерализма» — государственного перераспределения доходов и регулирования экономики и несколько больше — поддержка либеральных позиций в вопросах войны и мира и «морального» законодательства — прав женщин, свободы абортов и т. д.[23]. Очевидно, не случайно, что на выборах 1980 г. и первичных выборах демократов 1984 г. независимые оказали наибольшую поддержку кандидатам, для которых было характерно как раз такое сочетание позиций,— Дж. Андерсону и Г. Харту[24]. Эти отклонения соответствуют особенностям социального состава независимых (большому удельному весу молодой интеллигенции) и общим тенденциям эволюции массового сознания США, в котором разочарование в традиционном «этатистском» либерализме сочетается со значительным ростом идейной и моральной терпимости и озабоченности угрозой ядерного конфликта.

Однако особенности политических взглядов независимых не так велики и ясно, что при значительной идеологической аморфности американских политических партий и наличии внутри каждой из них очень широкого спектра позиций лица с такими в общем-то небольшими особенностями политических взглядов могли бы найти себе место в рамках партий. Не из-за особенностей идеологических позиций они независимы. И очевидно, не особенности их позиций главное в их политическом облике, а сам способ их подхода к политике.

Современные американские интеллигенты — «независимые» — это не люди, ищущие себе лидеров и организации, ибо позиции существующих партий не соответствуют их политическим взглядам, а люди, вообще утрачивающие потребность в жестких взглядах и прочной политически-организационной лояльности, не желающие связывать себя партиями и с партиями. Они каждый раз от выборов к выборам создают свои индивидуальные системы политических предпочтений, причем в массе эти индивидуальные «оригинальности» гасится. Это своего рода «броуновское движение» в политическом сознании, и мы видели, что индивидуализм политических предпочтений сочетается с их усредненностью. Каждый независимый неизмеримо больше отличается от другого независимого, чем «твердый» республиканец (или демократ) от другого «твердого», но в целом они — между республиканцами и демократами — и со-

---

[21] Ladd E. C. Where Have All the Voters Gone? L., 1982, p. 87.

[22] Очень характерно, что непартийное голосование встречается не только чаще среди образованных, чем необразованных, но и на президентских выборах, чем на выборах на меньшие должности. Американцы получают через средства массовой информации неизмеримо больше сведений о кандидате в президенты, чем о кандидатах на другие должности. Эта информация препятствует «механическому» голосованию за партию, которое часто восстанавливается на других выборах. Но и на выборах на меньшие должности прослеживается четкая связь между знанием о кандидатах и непартийностью голосования. Так, на выборах в конгресс в 1970 г. голосовали за кандидата своей партии 84% тех, кто не слышал ни об одном кандидате, и 75% тех, кто имел сведения об обоих кандидатах. В 1958 г. соответствующие цифры были 92% и 84% («Parties and Elections in an Anti Party Age». Ed. by J. Fishel. Bloomington 1978, p. 143, 153).

[23] «Public Opinion», IV—V 1984, p. 24.

[24] Значительную поддержку оказали независимые и кандидату с совсем иными политическими характеристиками — крайне правому независимому кандидату в президенты в 1968 г. губернатору Алабамы Дж. Уоллесу. На наш взгляд, странное сочетание Дж. Андерсона, Г. Харта и Дж. Уоллеса легко объяснимо, если мы примем во внимание, что наряду с «интеллигентским» компонентом, среди независимых присутствует и значительный компонент отходящих от демократов к республиканцам просто белых южан, составивших в 1968 г. основную массу электората Уоллеса, а в 1980 и 1984 гг. перешедших к Рейгану.

ставляют массу, более однородную, чем масса людей, половина которых — «твердые» республиканцы, а половина — «твердые» демократы».

* *
*

Распад партийных лояльностей и рост непартийного, независимого голосования имеет громадное значение для функционирования всей американской политической системы. Изменяется «рынок» и соответственно изменяется характер товаров и их рекламы. Раньше кандидат знал, что есть округа, в которых демократ победит всегда, и, следовательно, единственная задача кандидата в этих округах — добиться выдвижения себя партийной верхушкой; есть округа, где демократ не победит никогда, и есть такие округа, где для победы надо добиться, чтобы обязательно все демократы пришли и проголосовали, и хорошо бы, если при этом какие-нибудь республиканцы останутся дома. Сейчас же и демократ и республиканец могут победить где угодно и не потому, что он — демократ или республиканец, а потому, что он понравился утрачивающей партийные лояльности массе. Политический процесс, таким образом, начинает идти помимо партий.

В 70-е годы в обеих партиях совершаются реформы, резко ослабляющие власть партийных аппаратов (а вернее, формально фиксирующие это ослабление). Подбор кандидатов становится практически неконтролируемым лидерами процессом, совершающимся через первичные выборы (выборы кандидатов партии), на которых участвуют все желающие, объявившие себя республиканцами или демократами. Решившиеся выступить на этих выборах претенденты создают на период кампаний свои организации и именно они, а не Национальные комитеты партий ведут пропагандистскую работу на всех этапах выборов. Пропаганда эта идет в основном через средства массовой информации в расчете прежде всего на колеблющихся, независимых и подчеркивает не партийную принадлежность кандидата, а его личность и его личные позиции. Законы о федеральном финансировании кампаний, принятые в 70-е годы, по которым государственное финансирование осуществляется через организации кандидатов, а не партии, еще более ослабляют партийные аппараты.

Поскольку все большее число людей в начале кампаний не знает, как они будут голосовать и будут ли голосовать вообще (а многие из них не знают и до самого последнего дня), исходы выборов становятся все менее предсказуемыми. В 1984 г. в силу большой личной популярности нынешнего президента исход был более или менее очевиден, но в 1980 г. опросы показывали поразительные колебания настроений избирателей, и неудача опросов в предсказании победы Рейгана в значительной мере связана с тем, что 10% избирателей приняли окончательное решение только в день выборов.

Ослабление партий означает и ослабление связей между лицами на отдельных выборных должностях. Ситуация президента-республиканца и большинства в конгрессе у демократов стала в США совершенно нормальной и привычной. Но и на деятелей «своей» партии также рассчитывать становится все труднее. Каждый президент (а также губернатор, сенатор и т. д.) как бы создает свои собственные аморфные и временные «партии» — системы связей со «своими людьми» — и на других должностях и среди избирателей.

Политический процесс приобретает очень причудливые формы. Вспомним общеизвестные события последних лет. В 1972 г. республиканец Никсон одерживает головокружительную победу над демократом Макговерном и в США некоторые аналитики начинают предрекать эру республиканского господства (как в 1964 г., после такого же головокружительного поражения республиканца Голдуотера предрекали окончательную гибель республиканской партии). Но слабые позиции республиканцев в конгрессе в 1972 г. не улучшаются и президент имеет дело с глубоко враждебным конгрессом и вообще с очень враждебным окружением, что создает психологический климат для Уотергейта. В 1976 г. к власти приходит человек, о котором еще в начале 1976 г. мало кто знал,— демократ Джимми Картер. В 1980 г. он терпит сокрушительное поражение, никем из американских аналитиков не предсказанное, и исчезает с политической арены (а к 1982 г. просто забывается). К власти приходит республиканец Рейган, и в конгрессе резко усиливаются позиции республиканцев. Вновь начинаются разговоры об эре республиканского господства. Но уже на промежуточных выборах 1982 г. республиканцы терпят значительное поражение. В 1984 г. Рейган вновь побеждает с очень большим перевесом, но позиции республиканцев даже ухудшаются, а в 1986 г. большинство демократов в обеих палатах восстанавливается [25]. Происходит какая-то «чехарда» лиц и партий. Фигуры, как Картер, возникают «ниоткуда», проносятся метеором по политическому небосводу и исчезают. Партия, которая, казалось бы, находится в глубоком упадке, может совершенно неожиданно (даже

[25] Недавние «промежуточные» выборы в конгресс, в ноябре 1986 г., это своего рода «триумф» непартийности. Например, в Нью-Йорке избрали губернатора-демократа и сенатора-республиканца, и обоих — подавляющим числом голосов! В Южной Каролине, наоборот, сенатора-демократа, а губернатора-республиканца и вдобавок вице-губернаторам избрали демократа.

для самой себя) нанести сокрушительное поражение сопернице. Могут быть одновременные поражение и победа партии на одних и тех же выборах (поражение при выборах в конгресс и победа при выборах президента или наоборот). И при всей этой «чехарде», что очень характерно, «ничего особенного» не происходит. Новых партий не образуется. Ни республиканцы, ни демократы не могут надолго и сильно «потеснить» друг друга, переводя противника в разряд постоянной оппозиции.

* *
*

Описанная выше «причудливая» ситуация, естественно, породила поток американской социологической и политологической литературы, подходящей к вопросу с самых разных сторон и совершенно по-разному оценивающей перспективу. Одни авторы ждут партийной перегруппировки, нового типа распределения лояльностей различных групп между демократами и республиканцами и видят в современной ситуации кризис, связанный с такой перегруппировкой, другие предлагают различные реформы в организации партий, которые укрепили бы их и стабилизировали партийные лояльности, третьи мечтают о совсем новых партиях. Наконец, четвертые пишут, и, как нам представляется, правильно, об ослаблении (и даже распаде) партий как о характеристике новой политической эпохи. Однако всей этой литературе (во всяком случае — всей известной нам) присущ, на наш взгляд, один общий недостаток — авторы не выходят за пределы собственно политики, политического сознания и поведения. Между тем, если посмотреть на процессы, совершающиеся в других сферах массового сознания США, мы сможем по-новому понять этот политический процесс, увидеть в нем лишь аспект процесса значительно более широкого и глубокого.

Наиболее очевидно сходство описанных выше политических процессов с процессами религиозными. Если в политической сфере растет число независимых, ослабляются партийные лояльности и партийная дисциплина и растет то, что можно назвать «эклектичностью» голосования, то в религиозной сфере растет число лиц, не отождествляющих себя с какой-либо религией и церковью, падает церковная дисциплина и реальное значение церковной принадлежности как фактора, определяющего взгляды и поведение формальных членов церквей, растет эклектичность религиозного сознания.

Так, удельный вес в населении лиц, не имеющих предпочитаемой религии, возрос с 1952 по 1980 г. с 2 до 7%, причем среди лиц, окончивших колледж, их — 11%, среди лиц 21—24 лет — 14%, лиц 26—30 лет — 13%. Процент американцев — членов церквей, достигший в 1947 г. рекордной в американской истории величины — 76%, затем стал уменьшаться и сейчас — 69% [26]. «Не имеющие предпочитаемой религии» — это религиозный аналог «независимых», «не имеющих предпочитаемой партии», и опросы показывают наличие очень четкой связи между этими двумя формами «независимости» — политической и религиозной [27]. И как часть независимых — это временные независимые, люди, отставшие от одной партии и не приставшие к другой, так и часть «не церковных» и «не имеющих предпочитаемой религии» — это люди, которые еще найдут свою религию и церковь. Но многие из них, несомненно, это те, кто уже утратил потребность в стабильной, организационно оформленной религиозной принадлежности, кто перешел к такому же индивидуалистическому и «эклектическому» типу религиозности, как индивидуалистична и «эклектична» политика независимых. Причем характерно, что оба эти процесса — и политический и религиозный — локализуются в одном социальном слое.

Рост эклектичности религиозных взглядов американцев фиксируется очень многими опросами и исследованиями [28]. Вот данные о верованиях членов одной из старейших, респектабельнейших и интеллигентнейших церквей США — Епископальной. Только 56,9% епископалов верят в то, что Иисус Христос — Бог и сын Божий, 16,8% считают его просто «великим лидером». Одновременно 18% епископалов являются приверженцами абсолютного не христианского неоиндуистского учения трансцендентальной медитации, 5% занимаются йогой, 2% — приверженцы других восточных религиозных учений. Люди создают себе чисто индивидуальные, эклектичные и легко сменяющие одна другую комбинации религиозных идей — точно так же, как независимые голосуют на этих выборах — за понравившегося им кандидата в президенты — республиканца и в сенаторы — демократа, а на следующих выборах — наоборот, кандидата в президенты — демократа, а в сенат — республиканца. Ясно, что в обоих этих аналогичных процессах, происходящих вдобавок с особой интенсивностью в одном социальном

---

[26] «Religion in America. 1981».— «The Gallup Opinion Index». Report, N 184, p. 12, 17, 25.

[27] Так, в 1984 г. у республиканцев было 5% не имеющих предпочитаемой религии, у демократов — 7%, у независимых — 11%. «Religion in America».— «The Gallup Report», N 236, May, 1985, p. 30. Опрос 1979 г. показал, что если в населении в целом независимых — 32%, то среди лиц, не имеющих религиозного предпочтения — 50%. «Religion in America Report», N 184, p. 19.

[28] См. об этом: Фурман Д. Е. Тенденции развития массового религиозного сознания в США.— «Социальные исследования», 1985, № 4.

слое, проявляется единый глубинный социально-психологический процесс — процесс упадка в американском обществе, причем в его самой передовой части, идейной дисциплины вообще — как религиозной, так и политической, так и любой иной.

И эти два процесса не только являются разными формами одного процесса, они еще и взаимодействуют друг с другом. Традиционная американская лояльность к партиям была неразрывно связана с прочностью отдельных социальных, локальных и религиозных подгрупп американского общества. Человек был связан с партией не столько как индивид, сколько как член определенной общины. Можно сказать, разумеется, огрубляя ситуацию, что та же община, которая собиралась по воскресеньям на богослужение, в день выборов приходила в избирательный участок. Но если община утрачивает свое духовное и психологическое единство, если в ней могут быть люди, реально верящие совершенно по-разному, то и голосовать они начинают по-разному. Проиллюстрируем это двумя примерами.

Американские католики раньше представляли собой общину, очень изолированную культурно и психологически от протестантов. Резко отличалась от протестантской католическая семья, ибо католицизм запрещает искусственный контроль над рождаемостью и поэтому католические семьи были значительно больших размеров. Естественно, что браки протестантов и католиков были очень редки. Сейчас все это уже во многом в прошлом. Психологическая и культурная обособленность католиков исчезает, и если в 1955 г. 25% католиков были в «смешанных» браках, то в 1981 г.— 40% [29]. И так же исчезает традиционная католическая приверженность демократам, резко отличавшая католиков от их соседей — протестантов. Так, в 1960 г. среди католиков республиканцев было на 28% меньше, чем у населения в целом, а у протестантов — на 12% больше, в 1964 г. соответствующие цифры уже 15% и 6%, а в 1980 г.— всего лишь 3% и 3% [30].

Резко уменьшилась в США психологическая изолированность евреев, у которых процент смешанных браков возрос с 1960 по 1972 г. с 13 до 48%. И параллельно с этим уменьшается когда-то почти «тотальная» приверженность евреев демократам. В 1952 г. среди евреев было 68% демократов, 32% независимых и 0% республиканцев. В 1979 г. соответствующие цифры — 55%, 29% и 14% [31].

[29] «U. S. News and World Report», 10/II, 1986. p. 70—71.

[30] Ladd E. C. Op. cit., p. 91—92.

[31] Nie N., Verba S., Petrocik J. Op. cit., p. 230; «Religion in America». Report, N 236, p. 34.

* * *

Тот же параллелизм, который мы видим между процессами в политической и процессами в религиозной сферах, мы можем усмотреть и между процесами политическими и моральными. Как уменьшается лояльность партиям и церквам, партийная и церковная дисциплина, так уменьшается, если можно так сказать, «лояльность семье» и «семейная дисциплина» [32]. Распад традиционной для США формы семьи, постепенное уменьшение ее «иерархичности», разделения половозрастных ролей и функций, рост разводов, плюрализма типов семьи и разного рода экспериментирования в сфере семейно-половых отношений — процессы слишком хорошо известные, чтобы останавливаться на их описании.

Обратим лишь внимание на то, что социальная локализация этих процессов — та же, что и социальная локализация процессов роста политической «независимости» и религиозной «нецерковности». Это опять-таки прежде всего — молодая интеллигенция. Вот данные недавно проведенного опроса об отношении к гомосексуализму. За его легализацию высказалось 44%, в том числе среди лиц 18—24 лет — 51%, окончивших колледж — 60% [33]. За легализацию абортов в 1969 г. было 40% американцев, в том числе с высшим образованием — 58%, до 30 лет — 46%, в 1974 г. соответствующие цифры — 47%, 67% и 55%. В 1972 г. принципиально осуждали добрачные сексуальные отношения 48% американцев и 41% лиц с высшим образованием, не осуждали соответственно 43 и 51%. За более строгое отношение к порнографии в 1974 г. были 45% американцев и 33% лиц с высшим образованием [34].

И так же, как между политическими и религиозными процессами, так и между процессами в политической и семейно-моральной сферах есть не только параллелизм, но и взаимодействие. Ослабление семьи влияет на рост политической независимости, ибо семья, как и церковная община,— это та общественная ячейка, которая раньше была связана с партиями как единое целое. Крепкая семья прошлых лет была республиканской или демократической, как она была баптистской или епископальной. Это было одним

[32] О связи процессов в религиозной и моральной сферах говорят следующие данные. В 1979 г. в США в браке состояло 66%, одиноких было 17%, разведенных и живущих раздельно — 7%. Между тем среди не имеющих религиозного предпочтения состоящих в браке всего 50%, одиноких — 37%, разведенных и живущих раздельно — 10%. («Religion in America». Report, N 184, p. 19).

[33] «Gallup Report», I—II, 1986, № 244—245, p. 3.

[34] «The Gallup Poll», v. III, 1978, p. 2225, 1029.

из внешних выражений ее единства и сплоченности, ее традиции. Непрочная семья — никакая, семья, представляющая собой временное единство фактически независимых друг от друга лиц, не может создать и единой и прочной политической самоидентификации. Скорее это будет семья политически независимых (как семья, в которой муж — католик, а жена — баптистка, неизбежно будет иметь тенденцию к неопределенной «средней» и «независимой» религиозной позиции).

* *
*

Таким образом, мы видим, что процесс распада американских партий — процесс отнюдь не изолированный, не чисто политический. Во всяком случае, в двух сферах американской жизни — в сфере религии и семьи идут процессы аналогичные и взаимосвязанные [35].

Партии не есть нечто изолированное. Их идейные и организационные особенности, характеристики партийных размежеваний неразрывно связаны со всеми другими особенностями общества, политическая культура — часть культуры в целом, и ее эволюция — часть общей эволюции культуры. Эта эволюция идет в США, на наш взгляд, в направлении дальнейшего раскрытия изначально заложенных тенденций, достигающего сейчас, однако, качественно нового уровня. Так, США изначально страна религиозно терпимая — без минимума этой терпимости, при господстве жестких религиозно-догматических идеологий американская конституция не могла бы действовать. Но сейчас эта терпимость доходит до того, что в рамках одной церкви, одной общины, одной семьи, более того — одного индивидуального сознания могут уживаться самые различные верования, вернее их обрывки — христианство и буддизм, вера в телепатию и в Иисуса Христа. То же самое с семьей. Некий минимум семейной свободы был изначален, и без него, при господстве семьи патриархального типа, опять-таки было бы невозможно само американское общество. Но сейчас эта свобода индивида доходит до такого уровня, при котором начинается уже распад семьи как института. И наконец, то же самое происходит с партиями. Партии прошли свой «классический» период, и в партийно-политической сфере усиливаются те же «энтропийные» тенденции, как и во всех сферах культуры. И как во всех сферах культуры, и в этой сфере основным носителем данных тенденций является самый «перспективный» социальный слой — бурно растущая интеллигенция, причем прежде всего ее молодые представители, те, кто больше чем кто-либо будет определять облик будущего.

Когда описываются подобные процессы, слово «кризис» напрашивается само собой. И все же, на наш взгляд, употреблять его или вообще не стоит, или можно, лишь сопровождая большими оговорками. И вот почему. Сознание наблюдателя и исследователя, видящего процессы распада каких-либо сложных идеологических и организационных образований, усиления плюрализма и хаотичности, совершенно невольно пытается усмотреть в этих процессах кризис, ведущий к какой-то новой устойчивости и стабильности. Сознание как бы не приемлет картины постоянной и усиливающейся неопределенности. Можно, например, составить очень большой список авторов, усматривавших в американском религиозном плюрализме кризисное, переходное состояние, ведущее к победе какой-то одной религии (чаще всего — той, к которой принадлежал автор. Между тем единственное, к чему вел религиозный плюрализм,— это к еще большему плюрализму, дошедшему сейчас до размеров, кажущихся гротескными, и опять-таки — кризисными, немыслимыми и переходными. И ту же переходность и кризисность невольно хочется усмотреть в описанных политических процессах. Отсюда, очевидно, постоянное стремление американских политологов обнаружить «партийную перегруппировку» — новую устойчивую систему отношений партий друг к другу и к отдельным социальным группам, которая провозглашается каждый раз при первых признаках ослабления одной и усиления другой партии. Но каждый раз предсказания такой перегруппировки не сбываются. Неопределенность сменяется еще большей неопределенностью, из броуновского движения молекул не возникает никаких кристаллических образований. И именно поэтому слово «кризис» не совсем подходит. Кризисной можно назвать лишь такую ситуацию, которая неизбежно чем-то должна разрешиться. Но здесь мы видим кризис, который ни к чему не ведет, и это уже не кризис, а способ существования, неустойчивость, ставшая сама устойчивой и постоянной характеристикой. И как при анализе данных тенденций невольно возникает представление о кризисе, так же может легко возникнуть и представление об «идейном измельчании», и «старческой вялости и дряблости», и ощутимая, на наш взгляд, у ряда американских авторов романтическая «леонтьевская» ностальгия по «настоящей» идейной борьбе и ясным и четким верованиям. Но мы живем в эпоху, когда догматические ясность и непримиримость (или романтические искусственные попытки их вернуть) чреваты ядерной катастрофой. Поэтому нарастание в массовом сознании США недогматической неопределенности — факт скорее обнадеживающий.

[35] Об очень схожих процессах в сфере искусства и эстетического сознания см. Рубцов А. «О «странностях» современной эклектики».— «Декоративное искусство», 1982, № 2.